

Война была много лет назад. Война была жестокой и кровопролитной, Соня это знала точно — так говорили по телевизору. И ещё она знала, что каждый год в честь Победы идёт парад. Но Парад в Москве, а они живут на Крайнем Севере, и Соню на все выходные увозят на дачу. На даче у них свет и телевизор, отчим ворует электричество у госпромхоза. Соня в этот день почти не выходит на улицу и знает наизусть все военные фильмы, особенно про лётчиков и лётчиц. Их всегда показывают по телевизору утром и после минуты молчания. Это нарочная минута, чтобы грустить о погибших. Соня тоже грустит — встаёт на сетчатой никелированной кровати и пытается устоять, не держась за спинки или стену. Кровать скрипит, переваливается под ней, она падает, а отчим орёт, что нельзя прыгать, потому что траур. Соня говорит, что не прыгала, а он ещё сильнее орёт: «Ты знаешь, что трое твоих дедов погибли на фронте? За тебя, соплю, погибли! Сколько народу полегло, не сосчитать». Своего отца он тоже считает Сониным дедом, но она и не против — дед Вася был красивым, большеглазым и со звездой на остроконечной шапке, как у фей. Лицо отчима краснеет, а глаза щурятся с такой ненавистью, что Соня замирает и ждёт удара. Но пока он говорит, он успокаивается, злость, от которой Соня столбенеет, пропадает, он вздыхает и говорит: «Помянем». Отчим всегда «поминает» с соседом дядей Колей, а потом храпит на диване. Дядя Коля уходит. На столе остаётся колбаса и огурцы, и Соня их доедает. Ещё остаётся водка, и противно пахнет на всю комнату. Мама в этот день к ним не приезжает, у неё какие-то дела.

А Соня читает книжку про Зою. Или про Лару. Или про Зину. Но про Зою чаще. Она ей больше нравится. Зою босиком водили по снегу, но она никого не выдала, потому что была очень честной и не могла нарушить клятву. Соня бы тоже не смогла нарушить клятву, сколько её ни бей. Когда что-то рассказывают по секрету, Соня — никому.

В телевизоре поют грустное. Отчим храпит. Соня встаёт, засовывает ноги в войлочные тапки, которые забрала на дачу, — дома они грязные и воняют, а на даче не воняют, потому что по полу дует, тапки мёрзнут и запах мёрзнет вместе с ними. Здесь она на тапки вообще не смотрит, надевает быстро, сминая задники, — добежать до коридорного ведра, оно вместо унитаза, чтобы не застудиться на улице. Остальное время Соня лежит на кровати в огромном отчимском свитере, который пахнет старым потом, она сильно вытягивает из воротника шею, и тогда пахнет не так сильно. Здесь вообще всё пахнет старым потом, войлоком и тем ведром, который стоит в коридоре.

На даче отчим включает два железных ТЭНа, может ещё печь затопить, если девочка замёрзнет. Девочке не нравится на даче — тут не с кем играть и на улицу не пускают. Она хочет в город, где парад и где ходят настоящие ветераны. Соня бы их спросила: «Правда, воевать страшно?» И вдруг кто-то из них знал Зою. Или Лару. Или Зину. Но

лучше Зою. В их маленьком северном городе ветеранов нет, они все умерли, как единственный выживший дедушка, или уехали на материк, как бабушка, которую Соня видела только раз. Мама говорит, что бабушка Соню не любит за характер, а на самом деле бабушка не может простить маме второго замужества и не желает видеть невестку, а та обижается и в отместку не даёт встречаться с внучкой. Всё это Соня слышала урывками, но сумела сложить вместе. Поэтому летом Соня с мамой едут на море. Но так и лучше. Раз бабушка маму не любит, то Соня не будет любить бабушку, и значит, незачем им вместе жить летом.

А сейчас Соня свешивается с кровати, подбирает тапки, а потом, лёжа на спине, засовывает в них ноги. Вываливается из свитера. На ней остаются футболка и лосины — бирюзовые с искрой, долго выпрашиваемые у мамы. Сейчас они пошли дырками по шву между ног, их можно носить только на даче, когда никто не видит, потому что они «неприличные». Опускает ноги на пол, щиколотки обдаёт холодом. Отчим храпит громко, он не проснётся.

Засов отодвигается туго, железная дверь визжит. Соня слушает храп — он то утихает, и тогда Соня замирает, то раздаётся с такой силой, что можно успеть за время раската распахнуть дверь, выскочить наружу и прикрыть дверь обратно. Снаружи метёт, снег забирается под футболку и покрывает инеем лосины. Утром, пока было солнце, отчим почистил крыльцо, теперь тут ровная тропа, Соня отбегает к углу дома, к собачьей будке, перед сугробом разувается и ступает босой ногой на снег. Нет, терпимо. Шею и живот задувает куда сильнее. Раньше тут жил Матрос, он бегал с цепью по натянутой проволоке, но сейчас его нет, под проволокой сугроб, и чтобы ровно по нему пройти, Соня хватается за проволоку. Она обледенела, но прежде чем Соня делает следующий шаг, ладонь успевает растопить лёд и прилипнуть, она резко перехватывает руку и шагает вперёд, по пояс проваливаясь в снег. За проволоку вытягивает себя из сугроба. Верхний слежавшийся снег остекленел, он цепляется за лосины, царапает икры и щиколотки. Внутри сугроба рассыпчатые крупинки, они похожи на крупную каменную соль, которой мама запаслась на зиму. Холод от них сначала щиплет кожу, потом начинает жечь. Соня шагает ещё раз, и ещё раз перехватывает руки. Потом опять. Проходит минута или две. Ступни не ощущаются, болезненный вой по коже поднимается к колену, ладони ободраны, от напряжения Соня вспотела и заледенела на ветру. Вцепившись в проволоку, подтянув колени к груди, Соня висит над серединой сугроба. Уже нет смелости опустить в него непослушные покрасневшие ноги. Никак не оторвать прилипшие руки. Ветер бьёт в лицо, не даёт дышать. Хочется плакать от боли и обиды, но Зоя не плакала даже перед смертью, а значит, и Соня будет молчать.

Но нельзя, чтобы её здесь увидели. Она зажмуривается, резко приседает, отрывая руки

от проволоки, падает на наст, проваливается, делает глубокий вдох и перекатами, застревая в сугробе локтями и коленями, ползёт к дому. Догоняет разлетевшиеся тапки, шатаясь, входит внутрь, непослушными руками запирает дверь и задвигает засов. Храп не умолкает. Соня вздыхает с облегчением. Вот бы ей попало!..

Во всегда холодном коридоре стоит обжигающая жара. Теперь можно перевести дух, в коридор ходить не запрещено, и Соня мелко-мелко дышит. Через минуту Соню начинает трясти, она хочет идти, но не может. Ноги не держат, а рукам больно цепляться за стену. Ладони с ободранной кожей кажутся голыми. Ещё больнее браться за металлическую дверную ручку, но чтобы войти в комнату, надо за неё дёрнуть. И прежде чем это сделать, Соня напрягает всё тело и с силой зажмуривается. Да, так легче. Ощущение в ладонях — как во рту, когда болит горло и мама заставляет сосать противные мятные таблетки.

Соня ковыляет к кровати, забирается на неё и рассматривает то ладони, то ступни. Они красные с крупными белыми пятнами и прожилками, ободранные и поцарапанные. Они ничего не чувствуют. Соня садится попой на ледяные ступни, засовывает ладони под мышцы, укутывается одеялом, пытается растирать ступню локтём, онемевшими пальцами бинтует её (бинт лежит на подоконнике у изголовья кровати), представляя себя раненой медсестрой. Наконец чувствительность возвращается. Вместе с дикой болью, которая доходит до бёдер и локтей, и Соня опять не может дышать, она боится начать кричать. Тогда отчим проснётся и надерёт ей задницу. Он всегда обещает так сделать. И сосед дядя Коля его поддерживает, говорит, что так и надо, а то распустили молодёжь. А ведь и без того всё болит, и зубы сводит.

Боль пульсирует сильнее, и Соня начинает всхлипывать и подвывать ей в такт. Ей становится почти безразлично, что кругом враги, что надо молчать и что отчим надерёт ей задницу. Боль выкручивает каждый палец на ногах и выворачивает кисти рук, как будто её действительно пытаются фашисты.

Это всё они, думает Соня. Проклятые фашисты, они схватили её и тащат в свои застенки. А застенки у них такие, какие нарисованы в «Мальчише— Кибальчише»: тёмные, сырые, с пауками. Вот и Мальчиш держался и ничего им не сказал. И я буду держаться, твёрдо решает Соня.

К вечеру у неё поднимается температура и начинается бред. Проспавшийся отчим бежит в контору леспромхоза через дорогу звонить маме, чтобы та немедленно приезжала.

А Соня видит заснеженную тундру, которая всё равно что Подмосковье. Соня ползёт по снегу к дальнему дому, там живёт сосед дядя Коля. На боку у неё сумка с зажигательной смесью, есть ещё граната и наган. Ей нужно поджечь дом. Дядя Коля ей всё равно не нравится, он злой. Он был бы фашистом на войне. Но вместе с ним в доме сидит отчим. Соня не видит его, но знает, что он внутри. Она не может устроить пожар. Ведь тогда сгорит отчим. А она его любит. Даже когда он обещает её побить, даже когда пьёт водку и смотрит на Соню с ненавистью — всё равно она его любит. Но если её схватят здесь, то будут пытаться и казнят. И мама будет плакать — Соня у неё одна. Соне обязательно надо вернуться, чтобы мама не расстраивалась из-за её героической гибели.

И Соня бьётся в жару и бреду, она снова ползёт по снегу к дальнему дому и снова не может решить: поджигать ли его? Зоя-Зоя, помоги! Зоя, что же делать? — шепчет Соня и вдруг приходит в себя.

Она не на даче, а дома. За окном светло. Мама сидит возле её кровати. Соня шарит рукой под подушкой: там шоколадка. Это тайный знак от отчима. Значит, он обиделся на маму и уехал жить на дачу. Но девочке он передаёт, что любит её. Так лучше. Пусть он оставляет ей шоколадки и любит, чем живёт рядом и ругается.

—Я болею? — спрашивает Соня.

—Ты выздоровела,— говорит мама,— но лежи. Есть хочешь?

—Дай книжку,— просит Соня.

—Нельзя,— отвечает мама.— Закрой глазки.

И Соня засыпает лёгким прозрачным сном, и снится ей Парад Победы и мир на земле, и все дарят ей цветы и говорят спасибо. И она когда-то знала Зою. Или Лару. Или Зину. Но лучше — Зою.

Рассказ впервые опубликован в журнале «День и ночь» 2017, 2 под названием «Война».